

—
После праздника середины осени Цзинь И впервые пришёл в Фан Мань Тин после ужина. Чжаоянь уже вернулся, и Фу Мин размышлял: зачем он пришёл в это время?

Люй Фэй принесла чай, но Фу Мин, в отличие от обычного, не стал зажигать благовония и играть на цитре, а взял чашку чая, медленно пил её и молчал.

Прошло немного времени, и Цзинь И заговорил первым: «Жэньлань училась играть на пипе много лет, но в тот вечер я впервые слышал, как она играет». Его тон был спокойнее обычного.

«Похоже, он пришёл не ругаться», — немного успокоился Фу Мин, но не захотел снова упоминать тот случай, поэтому ответил: «Сестра Жэньлань очень умна и талантлива, нет ничего, что бы она не могла освоить».

В голове Цзинь И переплетались слова, но он никак не мог их произнести. Спустя некоторое время он снова сказал: «В ночь середины осени я был приглашён начальником, и мы несколько человек гуляли до полуночи».

Начальник? Должно быть, это тот самый человек, который тогда молчал, но чьё настроение все постоянно отслеживали, чтобы действовать соответственно. Фу Мин понял. Цзинь И хотел сказать, что среди них в тот день были высокопоставленные лица, и он, даже если бы хотел, не мог бы вмешиваться? Так что, Цзинь И пришёл извиняться косвенно?

Фу Мин знал, что ему следует пойти на уступки, с радостью принять его объяснения и великодушно показать, что он забыл обиду.

Но в тот день Тао Ян позже сообщил Фу Мину, что господин Цуй — это побочный член семьи Цуй, двоюродный брат Цуй Цина. Хотя он сейчас занимает должность при дворе и является сторонником третьего принца, его репутация и положение уступают Цуй Цину. В ночь середины осени первым оскорбил Фу Мина не тот начальник, о котором говорил Цзинь И, а Цуй Жун. Если бы Цзинь И действительно хотел защитить его, почему он молчал?

Даже Цуй Цин позже написал ему письмо с извинениями, сказав, что, возможно, из-за плохих отношений между братьями и того, что Цуй Цин был дружен с Фу Мином, Цуй Жун нашёл возможность затруднить ему жизнь. Друзья так искренни, а Цзинь И?

Фу Мин улыбнулся, его улыбка была точь-в-точь такой же, как та, что Цзинь И видел в ту ночь, но в его тоне не было никаких эмоций: «Господин — глава семьи, Фу Мин не имеет права вмешиваться или высказывать своё мнение о том, с кем вы общаетесь или с кем гуляете».

Цзинь И, услышав это, понял, что Фу Мин ещё не собирается его прощать, и подумал, что за несколько месяцев он стал намного вспыльчивее. Но Цзинь И чувствовал себя виноватым, поэтому всё же доброжелательно сказал: «Господин Цуй в ту ночь выпил слишком много. Вчера он сказал мне, что очень сильно оскорбил вас, и попросил меня передать вам подарок в знак извинения».

Фу Мин подумал, что ему следует быть благоразумным. Даже если ему было неприятно, даже если он не хотел принимать извинения этого человека, которые он не знал, были ли искренними или фальшивыми, он не мог действовать по своему усмотрению. Поэтому он успокоил свои чувства и медленно сказал: «Спасибо, что передали сообщение и подарок. О

том, что произошло в ту ночь, я вскоре забыл, и вам не стоит беспокоиться».

Цзинь И не знал, действительно ли Фу Мин не обиделся или просто замял дело, но, видя его равнодушное выражение лица, он больше не стал сидеть, оставил подарок, встал и ушёл.

После ухода Цзинь И Фу Мин велел Люй Фэй убрать подарок, сам же даже не взглянул на него.

К господину Цуй он испытывал отвращение, и раз уж он ему был противен, то не собирался с ним мириться. Этот подарок он принял от Цзинь И неохотно. А что касается Цзинь И, хотя он и рационально понимал, что не должен обижаться, но эмоционально ему было всё равно неприятно, когда он столкнулся с Цзинь И сегодня. Хотя Цзинь И принёс извинения и подарки, он был лишь посредником, но по-настоящему смущающим и горьким для Фу Мина было равнодушие и попустительство его мужа в тот день.

«Ну что ж, — грустно усмехнулся Фу Мин, — что ещё можно сделать?»

С тех пор Цзинь И по-прежнему, как обычно, часто приходил в Фан Мань Тин. Фу Мин же стал более осторожен в своём поведении и словах по отношению к Цзинь И, проявляя ещё больше уважения и вежливости. Цзинь И, казалось, был совершенно нечувствителен или безразличен к такому отношению Фу Мина, но Чжаоянь уже что-то заметил.

Однажды за обеденным столом Чжаоянь спросил Фу Мина: «Дядя Мин, разве ты не очень любишь эту острую паровую рыбку голову? Почему ты ещё не начал есть?»

Фу Мин действительно любил её, но он не ел, потому что Цзинь И ещё не притронулся к блюду. Он ответил: «Сегодня у меня не очень хороший аппетит, не очень хочется рыбьей головы».

Чжаоянь покачал головой, сам взял палочками кусочек рыбы из головы и положил в миску Фу Мина, смеясь: «Если аппетита нет, тем более нужно есть то, что нравится!»

Фу Мин почувствовал одновременно и безысходность, и тепло на душе, и начал есть рыбу.

Цзинь И, глядя на него, наконец сказал: «Если тебе некомфортно, то впредь я не буду здесь обедать».

«Папа, нет! Нет, папа, не переставай приходить сюда обедать!» — первым запаниковал Чжаоянь.

Фу Мин поспешно сказал: «Нет ничего неудобного, ваше присутствие — это честь для моего двора Фан Мань Тин».

Цзинь И опустил палочки и холодно сказал: «Если у тебя есть что сказать, говори прямо, мне не нравится ходить вокруг да около. Почему ты до сих пор держишься за ту мелочь той ночи? Хотя ты и вышел замуж за семью Цзинь, ты всё равно достойный мужчина, почему ты так нелепо ведёшь себя, как женщина, теряя мужское достоинство?»

Фу Мин, услышав это, замер. Он помолчал несколько мгновений, затем тоже опустил палочки, закрыл глаза и ответил: «Господин прав, я усвоил урок и впредь так поступать не буду».

Цзинь И, закончив говорить, уже немного сожалел о своих неосторожных словах, но равнодушное отношение Фу Мина ещё больше раздражало его. Поэтому он ничего не сказал, резко встал и ушёл.

«Папа!» Чжаоянь не смог остановить отца. Он повернулся к Фу Мину. Фу Мин улыбнулся ему, ложкой положил в его миску паровой яичный пудинг с креветками и мягко сказал: «Всё в порядке, не волнуйся, сначала поешь».

Ночью, когда в Фан Мань Тине всё стихло, Фу Мин спросил Люй Фэй: «Я, наверное, немного неуместен?»

Люй Фэй покачала головой.

Фу Мин сказал: «Раньше в семье Фу я мог проглотить любую обиду, но теперь, оказывается, стало ещё хуже, чем прежде».

Люй Фэй подошла ближе, и в её глазах, обращённых к Фу Мину, сквозила нежность: «Гунцзы, я знаю, что вы не своенравный человек, вы просто когда-то считали господина членом семьи, поэтому, должно быть, вам было грустно».

Фу Мин опустил голову, и только спустя долгое время снова поднял её, слегка улыбнувшись: «Я ошибался. Люди, ах, не могут быть надменными; как только они начинают думать, кто они, они забывают о своём положении и в конечном итоге страдают». В свете свечи эта улыбка казалась несколько одинокой.

Люй Фэй утешала: «Гунцзы, время ещё коротко, в будущем всё будет только лучше».

Но с той ночи и до конца осени и прихода зимы Фу Мин почти не видел Цзинь И.

Цзинь И больше не приходил в Фан Мань Тин, и это было не только из-за его недовольства Фу Мином, но и из-за занятости делами при дворе, что оставляло ему гораздо меньше времени для общения с семьёй.

После наступления зимы бандиты в Южном Синьцзяне, которые долгое время были беспокойными, постепенно объединились в группы и, наконец, подняли знамя восстания, превратив южные границы государства Ци в хаос, и люди не могли жить спокойно. Цзинь И получил приказ возглавить войска для подавления восстания.

По этому поводу все члены семьи Цзинь чувствовали одновременно и радость, и беспокойство. Семья Цзинь постепенно приходила в упадок, и ей как раз нужно было, чтобы потомки отличились на военной службе, чтобы восстановить её репутацию. Но с наступлением зимы погода испортилась, южные земли были заражены малярией, а война была опасным делом. Это путешествие было полно испытаний, и никто не знал, сможет ли он благополучно вернуться с победой.

Приближался день выступления армии, и старая госпожа каждый день наказывала наложнице Ван собрать Цзинь И в поход. Это должно было быть делом Фу Мина, но Фу Мин, будучи мужчиной, возможно, не был так внимателен, как женщина. Кроме того, наложница Ван много лет сопровождала Цзинь И и заботилась о нем, пока он не вырос, поэтому старая госпожа считала, что поручить это дело ей будет более уместно.

Перед отъездом Цзинь И специально выделил время, чтобы зайти к старой госпоже и попрощаться, даже попрощался со своим дядей и Жэньлань, получив много наставлений и благословений. Но он не пошёл в Фан Мань Тин.

«Гунцзы, господин завтра уезжает, вы...» — Люй Фэй замялась.

Фу Мин отложил кисть и посмотрел на лёгкий снег, падающий из-под карниза в свете фонаря за окном. Спустя долгое время он сказал: «Принеси зонт».

Вань Лань с улыбкой сказала: «Сейчас же!»

Свет свечей, отражаясь от снега, перемещался от двора Фан Мань Тин к центру всего заднего двора поместья Цзинь.

Раздался стук в дверь, и изнутри послышался голос Бай Лу: «Кто там?»

«Сестра Бай Лу, наш Гунцзы пришёл», — ответила Люй Фэй.

Дверь открылась, плотная штора поднялась, и тёплый воздух ударил в лицо, заставив Фу Мина невольно чихнуть.

Внутри комнаты наложница Ван с несколькими служанками пересчитывала уже собранные вещи, а Цзинь И у свечи протирал длинный меч. Блеск меча и блеск доспехов на стойке были ослепительны.

После того, как они обменялись приветствиями, Фу Мин сказал: «Господин завтра отправляется в поход, я пришёл навестить его».

Цзинь И кивнул и, заметив следы воды на обуви Фу Мина, спросил: «На улице дождь или снег?»

«Снег пошёл», — ответил Фу Мин.

Они больше ничего не сказали, только голос наложницы Ван, пересчитывающей багаж, раздавался в комнате, особенно отчётливо.

Цзинь И вложил меч в ножны и сказал: «Считали и пересчитывали уже несколько раз, достаточно. Ты потрудились эти дни, иди отдыхай в свою комнату».

Наложница Ван, услышав это, велела служанкам закрыть сундуки, затем подошла к Цзинь И и мягко сказала: «Господин едет далеко, и это не такое место, как столица. На поле боя мечи безжалостны, господин обязательно должен беречь себя. Я буду каждый день молиться за вас дома, надеясь, что вы одержите победу и благополучно вернётесь как можно скорее».

Цзинь И кивнул и махнул рукой. Наложница Ван с её личной служанкой удалилась. Дойдя до занавески, она обернулась и сказала: «Мин Гунцзы, вы тоже пораньше возвращайтесь отдыхать, господин устал, а завтра ему ещё рано вставать!»

Фу Мин не обратил на неё внимания. Она стиснула зубы, затем холодно усмехнулась и грациозно удалилась.

Фу Мин взял небольшой свёрток у Вань Лань и положил его на стол: «Эти порошки нужно растворять в воде и пить. Они помогают избавиться от холода и сырости, а также согревают желудок и кишечник. Если вы доверяете мне, можете пить их постоянно, тогда вы не будете так легко подвергаться влиянию климата».

Цзинь И кивнул: «Я понял, ты внимателен, спасибо».

Фу Мин больше ничего не сказал, встал и попрощался.

Уходя, Цзинь И остановил его и сказал Бай Лу: «Принеси мой журавлиный плащ». Когда Бай Лу принесла его, он лично взял его и протянул Фу Мину: «На улице холодно, надень его, чтобы не простудиться».

Фу Мин взял его и надел. Он был немного тяжеловат и великоват, но очень тёплый. Он улыбнулся и кивнул: «Спасибо, господин». Пройдя несколько шагов, он остановился: «Я придумал название для той мелодии: «Ясная лунная ночь». Когда вы вернётесь, я сыграю её для вас».

Стоявший позади него человек ответил: «Хорошо», и добавил: «В те дни, что меня не будет, позаботься о семье».

«Не беспокойтесь, господин», — кивнул Фу Мин, больше не задерживаясь, и быстро пошёл.

На обратном пути снег повалил ещё сильнее, ветер кружил снежинки, заполняя ночное небо.

Вань Лань спросила: «Господин, разве при таком сильном снегопаде армия сможет выступить?»

Фу Мин сказал: «Если дорога проходима, они выступят. Война — не детская игра, военный приказ как гора, его легко не меняют».

Вань Лань кивнула. В этот момент она ещё больше поняла, как трудно быть главой семьи и поддерживать семейное дело, и про себя стала молиться за Цзинь И.

Господин и служанка шли молча, снег падал беззвучно, а ветер шумел, и эта ночь становилась всё тише.

—

<http://bllate.org/book/12585/1118417>